

характеристиками костюма подвергалось осуждению в советском обществе. Особую опасность для телесного кода представляла сексуализация костюма и поведения. Так, позы с намеком на сексуальность были табуированы для манекенщиц. Наконец, проведённый анализ свидетельствует о том, что изменение гендерных норм в одежде, например, внедрение брюк в женский гардероб, происходило в СССР не менее сложно, чем в других странах (что, по всей вероятности, вновь может быть отнесено к «мелкобуржуазности» советского модного идеала). На мой взгляд, вопрос о связи моды с советским телесным кодом может быть развит, в частности, с помощью исследования возрастных различий в рекомендациях модельеров в сравнении с «западной модой», а также изучения границ «модного» в отношении полноты, высоты, стройности, мускулистости и других телесных характеристик.

Анна Тихомирова: А была ли в СССР вообще мода?

Anna Tikhomirova (University of Bielefeld, Germany): Was there any fashion in the Soviet Union?

«Полноте, да была ли вообще в СССР какая-то мода, тем более – особая “советская мода”? С такой точкой зрения часто приходилось сталкиваться авторам этой книги», – отметили во введении С.В. Журавлёв и Ю. Гронов (с. 13). В процессе чтения монографии у меня постоянно возникало ощущение, что главной их целью было доказать существование советской моды и «реабилитировать» её от тенденциозных обвинений в серости. В итоге тезис о том, что мода в СССР всё-таки была, причём развивалась не как некая аномалия, а преимущественно в русле общеевропейских и мировых тенденций, красной нитью проходит через всю работу, и то, что авторам удалось это доказать, – на мой взгляд, одна из их основных заслуг.

Типичная для СССР постоянная критика моды была также частью европейской истории общественной мысли (с. 43); и в Советском Союзе, и на Западе в сфере моды действовали одни и те же принципы сезонности (с. 97), женские брюки в 1960-е гг. считались «довольно спорным культурным новшеством» (с. 376), существовали похожие молодёжные движения (советские «стиляги», с. 426). Подобными примерами единства советской и западной моды книга изобилует. Авторы отметили и моменты, где советская мода, по их мнению, не только скромно «вписывалась», но и опережала западную, да и своё время в целом: так, о комплектности костюма советские конструктивисты начали думать раньше, чем Эльза Скьяпарелли (с. 66); именно показ советской коллекции моделей дублёнок Ирины Крутиковой в Париже в 1967 г. вызвал взрыв их популярности на Западе (с. 145, правда, авторы не указывают конкретный источник этого смелого утверждения); по сравнению с Западом отечественная одежда производилась из более экологичных и гигиеничных тканей (с. 443) и проч.

Отмечу, что приятным «побочным эффектом» постоянного сравнения советской и западной моды в книге стала наглядная демонстрация проницаемости «железного занавеса» (кстати, подобный тезис выдвинула и блестяще доказала в своей монографии и Лариса Захарова)³⁶. Авторы отметили, что процесс адаптации к советским условиям достижений модной индустрии капиталистических стран продолжился и в эпоху Брежнева (с. 22–23). Любопытно, что

³⁶ Zakharova L. Op. cit.

худрук Отдела мод ГУМа оценивал качество новых моделей по фотографиям в западных модных журналах (с. 254).

Однако у такого сопоставления, характерного для книги, есть оборотная сторона. Получается, что мода западных стран имплицитно берётся за «образец», «норму», «идеально-типический масштаб», советская же постоянно «оценивается» на предмет «соответствия капиталистическому идеалу». При этом Журавлёв и Гронов отчасти руководствуются тем, что западная мода была «тайным» (и нелегитимным) референтным пунктом для советских модельеров³⁷. Но почему не сравнить советскую моду с модой прочих соцстран, которая была для них же «явным» и легитимным референтным пунктом? Предположу, что авторы, по предложению М. Дэвида-Фокса, больше внимания обращали на «конкретные формы культурного взаимообмена между капиталистическим и социалистическим лагерями, а также на различные способы их адаптации и изменения в этих странах» (с. 40).

Как бы то ни было, в результате прочтения книги у меня возникло ощущение, что авторы так увлеклись «реабилитацией» советской моды как «нормальной», что довольно редко и, главное, почти случайно ставят её в «общесоциалистический контекст». А ведь это помогло бы читателям гораздо глубже понять, чем именно объяснялись многочисленные отличия советской моды от капиталистической (в том числе «запаздывание» советской моды во времени). Были ли они характерны для СССР или для всех социалистических государств?

Авторы упомянули Эстетические комиссии Совета экономической взаимопомощи во всех соцстранах, показы коллекций последних в СССР, поездки туда советских модельеров в 1970-е гг., причём живо и интересно, но этими примерами дело в основном, увы, и ограничивается. Так, на с. 317 Журавлёв и Гронов мимоходом заметили, что в универмагах соцстран тоже существовали ателье индпошива, но не проанализировали, отличались ли они от советских (о чём узнать очень бы хотелось, особенно учитывая высказанный ранее на с. 159, тезис: «в 1960-е годы в СССР возникла по-настоящему уникальная отрасль экономики» – бытовое обслуживание).

В результате некоторые утверждения авторов о специфике советской моды носят довольно голословный характер. К их числу относится тезис о том, что при сходстве с модой братских стран она была совершенно уникальна даже в рамках соцлагеря (с. 31). В книге постоянно подчёркивается «новаторский» характер советской моды и при этом практически ни слова нет о том, осуществлялся ли в стране обмен идеями, скажем, с ГДР, где в 1960-е гг. процесс концептуализации особой «социалистической моды» шёл чрезвычайно активно³⁸. Кроме того, по мнению Журавлёва и Гронова, особенностью советской моды было то, что государство выступало в этой сфере просветителем, а сама она являлась частью социалистической культуры. Но ведь то же было характерно и для других социалистических стран³⁹. Анализируя время затянувшихся ре-

³⁷ Об опасности такого «дихотомического» сравнения социалистических и капиталистических культур потребления на примере ГДР и ФРГ ещё в 1999 г. писала немецкий культуролог И. Меркель, см.: *Merkel I. Utopie und Bedürfnis. Die Geschichte der Konsumkultur in der DDR.* Köln, 1999.

³⁸ См., например: *Тихомирова А.* «Модно одеваться – ещё не значит быть современной!» Социалистический проект альтернативной современности 1960-х гг. на примере журнала «Sibylle» // *Теория моды.* 2007. № 3.

³⁹ О политике в области потребления в ГДР как о воспитательной политике см.: *Merkel I.* *Op. cit.*

форм в советской модной индустрии (1957–1965), авторы тоже обошли молчанием аналогичный опыт братских стран (о котором написано, например, в работе Ф. Хельдманна об экономических реформах в сфере молодёжной моды в ГДР)⁴⁰. Интервьюируемые мною советские женщины вспоминали о поездках в Восточную Германию в 1970-е гг. не в последнюю очередь сквозь «призму женских брюк»: в ГДР, утверждали они, женщины уже ходили в брюках, а советская делегация была одета в старомодные юбки⁴¹.

Этот упущенный в книге контекст важен не только на «фактологическом», но и на теоретико-методологическом, концептуальном уровне. Он помог бы, например, понять, осуществилась ли в СССР «революция потребления» (и что именно под ней следует понимать), насколько советское общество было «модерным» и проч. Между тем, хотя авторы периодически упоминали «западную потребительскую революцию» (с. 50), «вступление советского общества в эпоху потребительской революции» (с. 449), «потребительскую революцию советского типа» (с. 457), они никак не определили этих понятий и не ставили вопрос о применимости модели потребительской революции к советскому или государственно-социалистическому материалу⁴². В частности, они не обсуждали плюсы и минусы позиций по этому поводу цитируемых ими Н. Чернышовой, А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой⁴³. Как же, с учётом проанализированного в книге эмпирического материала, следует интерпретировать советское общество? Было ли оно, например, «запоздалым огосударствленным обществом массового потребления», как полагает Ш. Мерль (которого, к слову, авторы не упоминают вовсе), специфически социалистической «культурой потребления» (И. Меркель) или чем-то иным?⁴⁴

На материале советской моды авторы пытались «глубже проникнуть в суть вопроса о причудливом переплетении элементов патриархальности и современности в советском обществе разных исторических периодов, а также к каким последствиям это приводило» (с. 39). Сама по себе такая постановка вопроса очень интересна и перспективна. Но Гронов и Журавлёв ограничились 1950–1960-ми гг., не высказав своего отношения к теории о «кризисе социалистической модерности» в 1970-е гг.⁴⁵ – «проявился» ли он в сфере советской моды?

Справедливости ради надо отметить: в книге можно найти упоминания о том, что в СССР потребительская революция проходила с запозданием (в 1970–1980-е гг.), рывками, в более сглаженной форме, но «в общем и в целом в русле процессов, наблюдавшихся в США и Западной Европе... в 1960-е годы» (с. 477). Но эта информация представлена очень неявно, её надо искать как в лабиринте, поскольку в монографии нет вводной теоретической главы,

⁴⁰ *Heldmann P.* Herrschaft, Wirtschaft, Anoraks. Konsumpolitik in der DDR der Sechzigerjahre. Göttingen, 2004.

⁴¹ *Tikhomirova A.* West-Pakete aus der DDR? // *Horch und Guck.* 2008. № 3. S. 46–49.

⁴² См.: *Brewer J.* Was können wir aus der Geschichte der frühen Neuzeit für die moderne Konsumgeschichte lernen? // *Europäische Konsumgeschichte. Zur Gesellschafts- und Kulturgeschichte des Konsums (18. bis 20. Jahrhundert)* / Hrsg. H. Siegrist u.a. Frankfurt a/M, 1997. S. 51–74.

⁴³ *Chernyshova N.* Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. L., 2013; *Соколов А.К., Тяжельникова В.С.* Курс советской истории, 1941–1991. М., 1999. С. 299.

⁴⁴ *Merl S.* Staat und Konsum in der Zentralverwaltungswirtschaft. Russland und die ostmitteleuropäischen Länder // *Europäische Konsumgeschichte...*; *Merkel I.* Op. cit.

⁴⁵ См., например: *Merl S.* The Soviet Economy in the 1970s – the Relationship Between Socialist Modernity, Crisis and the Administrative Command Economy // *The Crisis of Socialist Modernity: The Soviet Union and Yugoslavia in the 1970s* / Hrsg. M.-J. Calic, D. Nuetatz, J. Obertreis. Vandenhoeck, 2011.

объясняющей используемые авторами аналитические категории. Аналогичным образом «спрятана» в отдельных тематических разделах и информация о хронологических этапах развития советской моды. Читателям бы очень помогло и наличие параграфа, где бы в компактном виде были проанализированы основные хронологические этапы развития советской модной индустрии и потребительского поведения.

Авторы справедливо выступают за междисциплинарный подход к исследованию советской моды, но сами не только не применяют его, но и дают явно недостаточное количество ссылок на соответствующие научные работы. В книге справедливо указано: «вещественные памятники, к которым относится и одежда (как и любые дошедшие до нас её описания и изображения), к сожалению, редко используются специалистами в исторических исследованиях» (с. 11). Но для авторов источником стали исключительно тексты. Изобразительного ряда и эксплицитного анализа визуальных источников в книге, увы, нет. В частности, не ставился вопрос, различались ли «язык текстов» и «язык изображений» в советских журналах мод.

Многие довольно смелые заявления Журавлёва и Гронова не подтверждены ссылками⁴⁶. Ведя «воображаемый диалог» с другими исследователями, они, с одной стороны, продемонстрировали основательные знания историографии, назвали большинство ключевых работ и дали им краткую характеристику. С другой – очень редко отмечали, как можно применить к анализу советского материала теоретические концепции, методы работы с источниками, из, например, исследований на тему западной моды. Делая обзор научных работ по советской моде, авторы, главным образом, к сожалению, ограничились их перечислением.

Возможно, следствием этого стало удивившее меня довольно частое отсутствие в основном тексте ссылок на тезисы других авторов, писавших о советской моде, при том, что в списке использованной литературы их работы большей частью перечислены. Так, в разделе «Мода и хороший вкус» нет ссылки на труды много об этом писавшей О. Гуровой⁴⁷, в разделе «Сам себе швея и модельер» – на статью О.Б. Вайнштейн⁴⁸. В заключение авторы высказывают очень интересную гипотезу: «советская эстетика одежды потребления в целом, а также пропагандируемые в СССР правила хорошего вкуса имели, по большому счёту, мелкобуржуазную природу» (с. 478). При этом они ссылаются на классические тексты о социальной дистинкции французского социолога П. Бурдьё, не указывая, что о «мелкобуржуазном мире официальной социалистической одежды» писала Дж. Бартлетт⁴⁹.

⁴⁶ См., например: «По данным бюджетных обследований, до войны больше половины носильной одежды в СССР было не фабричного, а домашнего изготовления» (с. 90); «уже с 1970-х годов по формальным показателям: количеству моделирующих организаций, численности трудившихся в них профессиональных специалистов и количеству ежегодно разрабатываемых ими новых моделей одежды – СССР оказался “впереди планеты всей”» (с. 121); «постепенно груз неудовлетворенности советским легпромом нарастал, а предпочтение потребителем импортных вещей перерастало в политическую оценку самой советской системы» (с. 444).

⁴⁷ *Gurova O. The Art of Dressing. Body, Gender and Discourse on Fashion in Soviet Russia in the 1950s and 1960s // Paulicelli E. (Ed.). The fabric of cultures. Fashion, identity and globalization. L., 2009. P. 73–92.*

⁴⁸ *Вайнштейн О. Моё любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России // Теория моды. 2007. № 3.*

⁴⁹ *Бартлетт Дж. Пусть носят бежевое: буржуазный мирок социалистической моды // Теория моды. 2007. № 3.*

В постсоветской историографии советской моды Журавлёв и Гронов выделили два основных периода, водоразделом между которыми стали 2003–2004 гг. (с. 36–37): «Начиная с этого времени обозначился явный общественный интерес к советскому прошлому» (с. 37). Далее авторы перечислили то, что, строго говоря, относится не к историографии, а к общественно-политической переработке прошлого (выставки, соцопросы, телепередачи, сайты о моде). Причём, на мой взгляд, они упустили ещё один важный этап, начавшийся в 2010-х гг., когда в науку пришло совсем молодое, родившееся уже после распада СССР поколение исследователей, применяющих к советской моде, как ни странно, давно уже непопулярное утверждение о том, что «советский официальный дискурс порицал индивидуальность в одежде»⁵⁰. Между тем именно в контексте подобных суждений выход в свет долгожданной и очень взвешенной книги Журавлёва и Гронова стал особенно знаковым и своевременным событием.

Наконец, как историк потребления, не могу пройти мимо темы потребительского поведения. Несмотря на заявленное во введении «присутствие объектов разного уровня, что позволяет авторам работать и на микроуровне, и в жанре биографической истории, и истории малых социумов» (с. 21), голоса потребителей предстали в книге как безликий хор. Возможно, это вызвано стремлением авторов к «репрезентативности» и «объективности», в результате чего они предпочли в качестве источника о потребительском поведении количественные данные – бюджетные исследования и социологические опросы. Мне кажется, книга бы только выиграла, если бы эти сведения были дополнены более подробным анализом жалоб и писем потребителей, «живыми» цитатами из интервью с ними. Из текста понятно, что авторы такие интервью проводили, однако, к сожалению, не описали этот процесс, его методику, и от проделанной работы остались лишь обезличенные выводы. В итоге за «массой» потребителей не видно отдельных лиц, не слышно их голосов. Понятно, что люди делали, но неизвестно, что чувствовали. Между тем, было бы очень интересно подискутировать на тему перспективности применения к истории советской моды и потребления такого относительно нового направления в историографии, как «история эмоций»⁵¹.

«Оживлению» и дифференцированию потребителей могло бы помочь применение поколенческого подхода, к примеру дискуссия на тему, в какой мере изученное авторами поведение советских людей (как «обычных потребителей», так и модельеров) укладывалось в поколенческую схему советского общества, предложенную немецким историком Сюзанной Шаттенберг⁵². О принадлежности к различным поколениям и о конфликтах в результате этого в монографии есть эпизодические упоминания (с. 445, 447–448), однако системно эта тема не рассматривалась. Не проанализирован и чрезвычайно интересный в позднесоветском контексте вопрос о поколенческой преемственности в сфере моды и потребления⁵³.

⁵⁰ Чернова В. Мечты и реалии нерядовой советской модницы // Теория моды. 2012. № 23.

⁵¹ См., например: Ушакин С. Динамизирующая вещь // НЛЮ. 2013. № 2.

⁵² Schattenberg S. Das Ende der Sowjetunion in der Historiographie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2011. № 49–50. S. 9–15.

⁵³ См.: Tikhomirova A. «Upcycling» auf spätsowjetisch? Umgenähte Kleidung als generationsübergreifendes weibliches Überlebens- und Distinktionsmittel in der Brezhnev-Ära // Hot Stuff. Gender, Popkultur und Generationalität in West- und Osteuropa nach 1945 / Hg. L. Seegers. Göttingen, 2015.

Суммируя, можно сказать: несмотря на заявленную во введении «многоуровневость» монографии, Журавлёва и Гронова гораздо больше интересует система советского моделирования, чем повседневные практики потребления одежды. Поэтому вполне логично, что именно посвящённые этой системе главы (третья и четвёртая) являются своеобразными «козырями» рецензируемой монографии. В одной из них проанализирована гигантская советская индустрия моды, в другой – работа многочисленных советских модельеров. Тем самым авторы опровергли миф об анонимности советской моды. Особо хочется отметить ввод в научный оборот такого ценнейшего источника, как протоколы собраний парторганизаций. Как и обещали авторы, они пролили свет на малоизученное внутриведомственное реформаторство 1950–1960-х гг., делая понятными для читателя сложные взаимосвязи между многочисленными звеньями советской индустрии моды. В результате становится ясно, почему в СССР не удалось сделать так, чтобы большинство людей могло без проблем купить или сшить себе модную, красивую, подходящую по фигуре одежду. В основном проблема заключалась в постоянном противостоянии «лебедя, рака и щуки»: модельеров, торговли и промышленности. Таким образом, советская индустрия моды предстала в монографии не как единая, обезличивавшая и обезличенная, а напротив, как очень сложная и дифференцированная.

Материалы этих глав позволяют также получить представление о реальной плановости советской экономики. Оказывается, внутри плана существовало большое пространство для маневра. Вопреки своей первоначальной гипотезе о жёстком руководстве советской модной индустрией из центра, авторы приходят к выводу, что «в СССР так в полной мере и не было создано единой централизованной системы моделирования и конструирования одежды» (с. 110). В моделирующих организациях СССР практически отсутствовала цензура, а случаи получения указаний «сверху» по поводу моделирования одежды были крайне редкими (с. 277).

Список всех моделирующих организаций СССР, находящийся в приложении, прекрасно дополняет фундаментальный характер третьей и четвёртой глав монографии.

В заключение обязательно хочется отметить ещё одно достоинство книги – обозначенные авторами «белые пятна» в историографии советской моды. С появлением книги Журавлёва и Гронова многие «специальные» исследования становятся куда более легко осуществимыми. Монография вполне может служить фундаментальной отправной точкой для дальнейших исследований советской моды и потребления одежды.

Материал подготовлен И.А. Христофоровым